

хи расистского колониализма» (Pankowski 2006: 18). А такие взгляды могут пропагандироваться и внешне respectable СММИ.

Итак, в который уже раз важно понять, не *почему* или *каким образом*, а *для чего* продолжает существовать в наши дни расизм и его мифы. И если первая его форма (молодёжная субкультура), при всей крикливости, слишком хаотична и самопротиворечива, то две другие куда как серьёзны. При этом их реакционная сущность не скрывается даже их апологетами. В изначальном, психофизиологическом значении слова «реакция» — реагирование на какие-то перемены, чтобы сохранить статус-кво. «Реконкиста» — это обратное завоевание привилегированными группами вчерашней Европы законного, по их мнению, места, которого они лишились; глобализирующийся расизм — защита «законного места» бывших колониальных держав. Именно эти две группы интересов и обслуживают исторические мифы — независимо от того, понимают ли это их авторы.

VI.4. Мифологическое сознание и провалы его адептов

«Не понимаю этой паники, — говорил один в центре собравшихся. — Надо бы принять звездолёт. Подумать только, как много мы можем узнать от них, очевидно, людей более высокой культуры и столь похожих на нас...»

«В этом-то и дело, — перебил другой, — но как же быть с мифом Белых Звёзд?»

И. А. Ефремов. Час Быка, III

Теоретическая ницета «*Мифа XX века*» не вызывает сомнений. Однако на что же мог рассчитывать автор, публикуя такую книгу (если не говорить о личной славе, гонорах, политической демагогии и тому подобном)? Мог ли он надеяться что-либо доказать? Но в книге нет ни доказательств, ни определений. Или он мечтал кого-то чему-то научить? Но ни один человек с критическим мышлением не воспринял бы его выкладки всерьёз. По крайней мере, без принуждения.

Поскольку «*Миф*» — документ не научный, а идеологический, то и задачи его другие: *обосновать такую политику, которая стимулировала бы инстинктивную «творческую» деятельность*, раскрепостить «расовую душу» в том виде, в каком её понимал Розенберг. Однако это означало устранение культуры со всеми её искусственными механизмами. Сам Розенберг был человеком если не интеллигентным, то хотя бы начитанным. Он мог сослаться не только на Гёте и Шиллера, но и на Авесту и Махабхарату, на Платона и Мейстера Экхарта, на Шпенглера и Бахофена, на Достоевского и Горького. Именной указатель его книги включает около полутысячи имён. Однако его читатели — члены партии, обязанные изучать его труд поголовно, — были совсем другими. Известно, из каких низов вербовались штурмовики и эсэсовцы. Что же касается рядовых членов НСДАП, не входивших в эти организации, чаще всего они были обычными карьеристами, без всяких идей, а нередко и без культурных «предрасудков». Бернгард Келлерман в романе «*Пляска смерти*» (*Der Totentanz*) рисует их портреты: портной, вступивший в партию и тем обеспечивший себе заказы; адвокат, избежавший таким путём увольнения и лишь затем увлечёвшийся нацистской риторикой; бывший армейский повар, ставший гауляйтером и дорвавшийся до своей главной цели — шампанского и девочек в любом количестве (а когда стала ясна перспектива поражения — до виллы в нейтральной Турции). Вот эти-то и должны были читать 700-страничную книгу?

Или именно они были носителями той смутной, слепой энергии, которую следовало растормозить?

Опыт всех революций — в том числе и реакционных — показывает: любой, кто стремится выпустить на волю бессознательную энергию *масс*, сам становится её жертвой. Поскольку массовое инстинктивное поведение «без комплексов» преступно по определению. Вся культура, как известно со времён Фрейда, и есть система комплексов и запретов. Уже К. Р. Поппер в 20-й главе «*Нищеты историцизма*» заметил, что любой природный закон можно выразить в форме запрета. Например: «Закон сохранения энергии можно выразить следующим образом: “Нельзя построить вечный двигатель”, а закон энтропии — “Построить машину с КПД = 100 % невозможно”» (Поппер 1993: 17). Однако то же относится к любым законам: социальным, юридическим, нравственным. Это — коренная черта рационализма, известная ещё его основоположнику — Сократу. Как известно, демон Сократа лишь удерживал его от каких-либо действий, но никогда ничего не предписывал.

Значит ли это, что «законность есть народное стеснение, гнуснейшее меж всеми преступленьем» (А. К. Толстой, *Сон Попова*, 9)? Нет! Любой закон — что научный, что общественный — запрещает СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЙ, ДОКАЗАВШИЕ СВОЮ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ. Так, насилие в цивилизованном обществе осуждается не потому, что оно вообще не свойственно человеку (как показал ещё Конрад Лоренц — высокоагрессивному существу), а потому, что опыт показывает: такой простой метод не столько решает одни проблемы, сколько создаёт другие. Общество с узаконенной частной войной (например, феодальное или мир викингов, так вдохновлявший нацистских теоретиков) бесконечно вращается в своём кровавом колесе, а исторически — топчется на одном месте до тех пор, пока не изменится общественная мораль, пока она не признает ценность не только одного лишь воина, но и других типов личности. Для викингов таким моментом стало торжество христианства и создание королевств (Лебедев 1985: 130—131 — о «стиле Большого Зверя» в скандинавском искусстве), для феодальной Европы — торжество буржуазных ценностей. То же самое имел в виду Акутагава, когда писал: «Закон запрещает азартные игры не потому, что осуждает перераспределение богатства с их помощью, а лишь потому, что осуждает экономический дилетантизм» (*Слова пигмея*).

В сущности, расисты делят расы по психотипам, но у них всегда выходит, что только один тип ценен, остальные живут лишь по его милости. Это важно учесть: ведь о психотипах принято говорить в научном истеблишменте даже в наши дни, когда термин «раса» более не моден. Даже Эрих Фромм с его упрощённым мышлением грешил этой аберрацией.

Человек, принимающий культурные запреты, становится не слабее и не ограниченнее, а лишь целенаправленнее. Только запретив себе такие «простые» решения своих проблем, он может сосредоточиться на поиске других методов — сложных, но более эффективных, в полном соответствии с теорией техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна. Самолёт был построен людьми, раз навсегда для себя решившими, что путь в небо — не левитация и не даосские эликсиры. И в космос человечество вывели инженеры и физики, а не адепты философии космизма, упрекавшие их в приземлённости. И современные оккультисты пишут свои сочинения на компьютере и публикуют их в Интернете — ни то, ни другое они не изобрели

за все свои тысячелетия. А если они возражат, что историки тоже не придумали компьютеров, — на это есть ответ: историки, в отличие от оккультистов, не пытаются развенчать физические науки, создавшие современный технический мир, а сотрудничают с ними настолько, насколько вообще позволяет специфика их предмета.

Получается, что важнейшие решения должны принимать учёные-теоретики, а непросвещённая масса не должна иметь слова в этих решениях. Её активность может быть только хаотической, такой, какой мы её видим на протяжении всей истории. Вывод — технократическая утопия, власть разумной элиты. Так? Опять не так. Тот же гитлеровский режим за 12 лет успел проделать путь от диктатуры тёмной массы к диктатуре технократов, но сути своей не изменил. Если штурмовики могли лишь бить стёкла в еврейских магазинах, то «высоколобые» теоретики евгеники и расовой гигиены сумели с 1942 г. перейти к «окончательному решению еврейского вопроса», о котором их предшественники разве что мечтали.

Ошибка предыдущего вывода — в словах: «непросвещённая масса». Почему большинство населения обязано быть *массой*? Почему — *непросвещённой*? В такой ситуации перед человечеством действительно всегда будет стоять скудный выбор: либо разумная диктатура, либо неразумная — но тоже диктатура. То есть, по Н. Я. Эйдельману (1986: 146), — «просвещённый» или «непросвещённый абсолютизм».

Демократия — это власть людей, чётко осознающих свои интересы и умеющих их защитить. Но и то, и другое невозможно без *просвещения*, без усвоения практически всеми гражданами *гуманитарных знаний*, на которых основаны все современные ценности. Только просвещённые люди способны быть демократами. Без этого мы всегда будем обречены на систему типа латиноамериканской, до тех пор, пока общество не придёт в непоправимое противоречие с экологической средой и не будет этим противоречием раздавлено. Но такие люди по определению не бывают «массой». Даже в большом количестве они действуют как множество *индивидов*, а не как *аморфное* множество. В этом и состоит коренная ошибка идеологов массовости.

В чём же тогда смысл внимания к мифам и мифологическому мышлению? Дело в том, что они ярко и адекватно выражают комплексы нашего подсознания, наши ценности и потребности — иными словами, *желания*. Только при их исполнении человек может быть счастлив. А разум с его ограничительными механизмами и точным анализом указывает нам *средства* для достижения этих желаний. И не дай Бог перепутать их функции! Если принизить разум в угоду подсознанию — получится воинствующее варварство, если наоборот — голая технократия, царство холодного расчёта. В обоих случаях это будет образ жизни, превращающий человека в винтик какого-то надчеловеческого механизма — и потому недостойный Личности, несовместимый с её потенциалами.

VI.5. Этническая или социальная психология?

Почему же авторы так упорно сводят социальную психологию к национальной? Как ни печально, имелись основания, позволяющие если не согласиться с такой точкой зрения, то хотя бы объяснить, откуда она взялась. В отличие от Англии, Франции или Китая, многие страны Центральной и Восточной Европы опоздали